Земскіе соборы Московскаго государства.

I.

Происхожденіе земскихъ соборовъ.

Начало земскихъ соборовъ, какъ всякаго учрежденія, вызваннаго къ жизни не велѣніемъ власти и возникшаго не въ силу писаннаго закона, а подъ напоромъ самихъ реальныхъ потребностей, въ видѣ факта обычнаго права, теряется въ туманной дали прошлаго. Но въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ сохранились, такъ сказать, слѣды того пути, которымъ, повидимому, шло развитіе этого учрежденія. И по нимъ мы можемъ добраться, если не до начала земскихъ соборовъ, то, по крайней мѣрѣ, до ихъ происхожденія.

Какъ извѣстно московскіе великіе князья и цари имѣли обыкновеніе рѣшать государственныя дѣла совмѣстно съ боярами и высшимъ духовенствомъ. Но на ряду съ этими обычными, идущими изъ глубокой древности, совѣщаніями, были еще другія совѣщанія, болѣе широкаго состава, при участіи болѣе широкаго круга лицъ сравнительно съ первыми совѣщаніями. Понятіе о такихъ совѣщаніяхъ можетъ дать то собраніе, которое созвалъ въ 1471 году великій князь московскій Иванъ Васильевичъ передъ походомъ въ Новгородъ. По словамъ лѣтописца великій князь «разосла по всю братію свою и по всѣ епископы земли своея, и по князи и по бояре свои и по воеводы, и по *вся воя своя*, и яко же вси снидошася къ нему, тогда извѣщаетъ мысль свою, что ити на Новгородъ ратію... И мысливше о томъ не мало и конечное положиша упованіе на Господа Бога. И князь великій пріемъ благословеніе отъ митро-

---

Литература. *Латкинъ.* Земскіе соборы древней Руси. *Его же.* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ. *Сергѣевичъ.* Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ («Сборникъ государственныхъ знаній», т. II). *Ключевскій.* Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси («Русская Мысль», 1890. кн. 1; 1891 г., кн. 1, и 1892 г., кн. 1). *Платоновъ.* Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ.

полита... и отъ всего священнаго собора и начатъ вооружатися ити на нихъ; тако же и братія его и вси князи его и бояре и воеводы и *вся воя его*». Такимъ образомъ на совѣщаніе по поводу похода противъ новгородцевъ Иваномъ III были приглашены, во-первыхъ, все высшее духовенство, «всѣ епископы земли», или, какъ говорится далѣе въ лѣтописномъ извѣстіи, митрополитъ и «весь священный соборъ», во-вторыхъ, «вси князи его и бояре» и, наконецъ, «воеводы и вся воя его», т.-е. служилые люди. Присутствіе здѣсь высшаго духовенства и бояръ не составляетъ ничего примѣчательнаго. Это изстаринные, постоянные совѣтчики московскихъ государей. Участіе же въ совѣщаніи служилыхъ людей должно быть отмѣчено. Это новый элементъ въ составѣ обычныхъ совѣщаній московскихъ государей, новый не только по своему присутствію здѣсь, но и по своему характеру, значенію. Бояре и духовенство присутствовали на совѣщаніи, въ качествѣ высшихъ органовъ государственнаго и церковнаго управленія — боярской думы и освященнаго собора, служилые же люди явились сюда въ качествѣ представителей населенія, земли. Иными словами, къ обычному совѣщанію московскихъ государей съ боярской думой и освященнымъ соборомъ на этотъ разъ привлеченъ также *общественный, земскій* элементъ, чѣмъ приданъ и самому совѣщанію земскій характеръ.

Въ данномъ случаѣ общественный элементъ былъ привлеченъ къ участію для разрѣшенія государственнаго вопроса, но такое же сочетаніе правительственнаго, приказного элемента съ общественнымъ мы встрѣчаемъ и на одномъ изъ совѣщаній царя Ивана IV по поводу церковныхъ дѣлъ. Мы имѣемъ въ виду Стоглавый соборъ 1551 года, на которомъ, кромѣ высшаго духовенства и бояръ, т.-е. освященнаго собора и боярской думы, непремѣнныхъ членовъ совѣщаній московскихъ государей былъ и тотъ новый элементъ, который мы отмѣтили въ совѣщаніи 1471 года. Объ этомъ узнаемъ изъ одного обращенія Ивана IV къ Стоглавому собору. Имѣя въ виду, очевидно, свѣтскую, мірскую часть собора царь сказалъ: «тако же и братія моя вси любиміи мои князи, и бояре, и *воини*, и *все православное христіанство*, помогайте ми и пособствуйте вси единодушно вкупѣ!» Если «все православное христіанство» надо отнести скорѣе всего къ реторической фразѣ, до которыхъ былъ большой охот-

никъ царь Иванъ IV, то *воини* является вполнѣ реальнымъ и точнымъ терминомъ, соотвѣтствуетъ «воямъ» совѣщанія 1471 г.

Итакъ, въ извѣстныхъ случаяхъ московскіе государи имѣли обыкновеніе пополнять свой постоянный совѣтъ, состоявшій изъ бояръ и высшаго духовенства или, какъ выражаются источники, «властей» (духовныхъ) и «синклита» (бояръ), привлеченіемъ представителей земли къ рѣшенію какъ государственныхъ, такъ и церковныхъ даже вопросовъ. Правда, земля здѣсь представлена лишь «воями», служилыми людьми, но важно самое привлеченіе земскаго, общественнаго элемента.

Мы остановились на двухъ случаяхъ такихъ расширеннаго состава совѣщаній, но они происходили и раньше и даже послѣ, т.-е. въ эпоху земскихъ соборовъ.

Въ этихъ совѣщаніяхъ для насъ интересно совмѣщеніе, сочетаніе двухъ элементовъ — правительственнаго, приказного и общественнаго, земскаго, ибо здѣсь находится связующее звено между ними и земскими соборами. Земскій соборъ въ томъ видѣ, какой онъ получаетъ въ XVII вѣкѣ, представляетъ изъ себя соединеніе двухъ элементовъ, приказного въ лицѣ боярской думы и освященнаго собора и земскаго въ лицѣ выборныхъ земли, т.-е. оказывается именно такимъ же собраніемъ смѣшаннаго состава, какъ и только что разсмотрѣнные нами. Присутствіе перваго элемента на земскомъ соборѣ при этомъ было настолько безусловно необходимымъ, что безъ него не могло быть собора. По крайней мѣрѣ, всѣ извѣстные и дѣйствительные, а не «фиктивные» или «неполные», по терминологіи нѣкоторыхъ изслѣдователей, земскіе соборы всегда включаютъ въ свой составъ оба элемента.

Это исключительное положеніе боярской думы и освященнаго собора въ земскомъ соборѣ, унаслѣдованное ими отъ разсмотрѣнныхъ ранѣе совѣщаній, на нашъ взглядъ, служитъ наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ происхожденія земскихъ соборовъ изъ этихъ совѣщаній. Въ эпоху такихъ совѣщаній, повидимому, наибольшимъ авторитетомъ пользовался первый элементъ, который мы назвали приказнымъ, и земскій элементъ далекъ былъ отъ полноты, дававшей ему право на представительство всей земли, наконецъ, онъ былъ внѣ всякаго сомнѣнія невыборный. Послѣдующее время перемѣстило центръ тяжести и произвело перемѣну въ обратную сторону, расширило, пополнило составъ земскаго элемента до размѣровъ представительства «всей земли», превратило

въ исключительно выборный и выдвинуло на первый планъ. Шестнадцатый вѣкъ какъ разъ отмѣчаетъ работу времени въ этомъ направленіи. На соборахъ, созывавшихся въ этомъ вѣкѣ, земскій элементъ сравнительно съ предшествовавшими земскимъ соборомъ совѣщаніями значительно расширился. На соборѣ 1566 года, отъ котораго дошелъ до насъ приговоръ съ именами членовъ собора, мы видимъ рядомъ съ служилыми людьми также представителей торгово-промышленнаго класса въ лицѣ столичнаго первостатейнаго купечества. Средняго купечества, уѣздныхъ, посадскихъ людей, тѣмъ болѣе крестьянъ, какъ и городового дворянства, здѣсь незамѣтно. Кромѣ того, ни изъ чего не видно, чтобы служилые и торговые люди, явившіеся на соборъ, были выбраны населеніемъ для исполненія своихъ обязанностей въ качествѣ представителей земли. Кропотливый и внимательный анализъ состава собора, произведенный проф. Ключевскимъ, по крайней мѣрѣ, не только не обнаружилъ здѣсь общественнаго уполномочія, но даже привелъ историка къ убѣжденію о должностномъ характерѣ представителей какъ служилаго, такъ и торгово-промышленнаго класса. Слѣдующій соборъ 1598 года уже болѣе демократиченъ по своему составу. На немъ, кромѣ высшаго столичнаго купечества, присутствовали также представители черныхъ сотенъ и слободъ, хотя и въ небольшомъ числѣ, т.-е. московскіе посадскіе люди и городовые дворяне на ряду съ столичнымъ дворянствомъ. Кромѣ того, здѣсь проф. Ключевскій отыскалъ выборныхъ. Именно, относительно городовыхъ дворянъ онъ говоритъ, что ихъ, «съ нѣкоторою вѣроятностью, можно считать *выборными* соборными депутатами уѣздныхъ дворянскихъ обществъ изъ ихъ же среды». Однако, несмотря на этотъ очевидный прогрессъ въ развитіи земскаго представительства въ XVI вѣкѣ въ сторону демократизаціи его и выборности, служилый классъ, ранѣе единственный представитель земли на совѣщаніяхъ московскихъ государей, и теперь еще занимаетъ наиболѣе видное мѣсто. На соборѣ 1566 г. на долю представителей служилаго класса приходится 55%, а на соборѣ 1598 года 52%. Выборные же составляютъ совершенно ничтожную часть сравнительно съ невыборными — 40 изъ 267 членовъ собора. И земскіе соборы въ XVI вѣкѣ еще очень близко стоятъ къ прежнимъ совѣщаніямъ. Не даромъ проф. Ключевскій назвалъ ихъ «въ точномъ смыслѣ *совѣщаніемъ правительства съ собственными агентами*». Лишь въ XVII вѣкѣ земскій элементъ оказывается сплошь

выборнымъ. Въ то же время идея представительства «всея земли», лежащая въ основѣ земскаго собора, получаетъ болѣе близкое къ дѣйствительности воплощеніе. Служилые люди лишаются своего господствующаго положенія и въ числѣ выборныхъ на соборахъ появляются представители уѣздныхъ людей, подъ которыми надо разумѣть крестьянъ, т.-е. земское представительство получаетъ всесословный и болѣе демократическій характеръ. Тогда же складывается окончательно самая организація сословнаго представительства Россіи, обрисовывается вполнѣ обликъ земскаго собора. Но, очевидно, традиція и зависимость земскаго собора отъ своихъ предшественниковъ настолько велики, что даже въ составѣ выборныхъ XVII вѣка мы найдемъ должностныхъ лицъ. Когда просматриваешь, напримѣръ, списокъ членовъ собора 1648—49 годовъ, то очень часто мелькаютъ передъ глазами воеводы и другія должностныя лица.

Такимъ образомъ земскій соборъ представляется намъ въ извѣстной исторической перспективѣ, учрежденіе это проходитъ на глазахъ историка длинный путь развитія.

Поэтому правильнѣе говорить не о земскихъ соборахъ XVI и XVII вѣка въ отдѣльности, а о единомъ земскомъ соборѣ, какъ учрежденіи, аналогичномъ сословнымъ собраніямъ Западной Европы, которое въ XVI вѣкѣ находилось еще въ состояніи роста и формированія, въ XVII же распустилось, развилось совершенно.

II.

Вопросъ о первомъ земскомъ соборѣ.

Само собою разумѣется, что при эволюціонномъ происхожденіи земскихъ соборовъ очень трудно указать съ точностью время созыва перваго земскаго собора. И хотя такого рода попытки дѣлались почти всѣми историками земскихъ соборовъ, онѣ ни къ чему безспорному не привели. Вопросъ остается открытымъ и, по всей вѣроятности, останется навсегда въ такомъ положеніи.

Обыкновенно созывъ перваго земскаго собора относится ко времени около 1549—50 года, такъ какъ къ этому времени относится извѣстіе Хрущевской Степенной книги о торжественномъ выходѣ царя Ивана IV на Красную площадь и рѣчахъ его къ духовенству и народу съ Лобнаго мѣста. Въ этой обстановочной и умилительной сценѣ публичнаго покаянія царя и обѣщанія упорядочить управленіе видѣли прологъ перваго зем-

скаго собора. Но теперь послѣ сдѣланнаго проф. Платоновымъ и Васенко тщательнаго изслѣдованія названнаго источника въ той его части, которая заключаетъ въ себѣ извѣстіе о рѣчахъ Грознаго, отъ пролога перваго земскаго собора во всякомъ случаѣ приходится отказаться. Сама Степенная книга — памятникъ XVI вѣка, извѣстіе же о бесѣдѣ Грознаго съ Лобнаго мѣста — вставка позднѣйшаго времени, конца XVII, если не начала XVIII вѣка, при чемъ внимательный анализъ вставки обнаруживаетъ «и тенденціозность ея автора, и безцеремонное отношеніе его къ своимъ источникамъ, и большую склонность къ смѣлымъ домысламъ». О довѣріи къ словамъ такого автора едва ли можетъ быть рѣчь, слѣдовательно, въ разсказѣ интерполятора мы имѣемъ не дѣйствительный фактъ, а просто-напросто вымыселъ, фантазію. Что же касается самаго собора, который могъ быть, конечно, и безъ торжественнаго пролога, то изъ другого источника мы дѣйствительно имѣемъ указанія на происходившее въ это время совѣщаніе царя съ представителями земли. Эти указанія находятся въ обращеніи царя Ивана IV къ Стоглавому собору 1551 года. «Въ *предыдущее лѣто*, — сказалъ царь членамъ собора изъ духовенства, — билъ есми вамъ челомъ и съ бояры своими о своемъ согрѣшеніи, о бояре тако же. И вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а язъ по вашему прощенію и благословенію бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ. Да имъ же заповѣдалъ со всѣми христіаны царствія своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлехъ помиритися на срокъ и *бояре мои всѣ приказные люди и кормленщики* со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлехъ. Да благословился есми у васъ тогды же Судебникъ исправити по старинѣ и утвердити, чтобъ судъ былъ праведенъ и всякія дѣла непоколебимы вовѣки»... Предыдущее лѣто приходится на 1549—50 гг. Слѣдовательно, какъ разъ въ томъ году, къ которому обыкновенно пріурочивается первый земскій соборъ, несомнѣнно, было совѣщаніе царя съ представителями земли, на которомъ состоялось примиреніе царя съ боярами, а бояръ съ землей, т.-е. ликвидація тяжбъ населенія съ кормленщиками, по объясненію проф. Ключевскаго, и рѣшено было исправить Судебникъ. Но даетъ ли право составъ совѣщанія, опредѣляемый достаточно точно самимъ царемъ въ обращеніи, считать его за земскій соборъ? Врядъ ли. Здѣсь было, во-первыхъ, духовенство, которому царь билъ челомъ и у кото-

раго благословился на примиреніе и исправленіе Судебника, во-вторыхъ, «бояре всѣ» и, наконецъ, «приказные люди и кормленщики». Подъ первымъ надо разумѣть освященный соборъ, подъ вторыми боярскую думу, а третьи — служилые люди, въ качествѣ дополнительнаго элемента къ ординарнымъ совѣщаніямъ царя съ думой и освященнымъ соборомъ. Таковъ составъ совѣщанія 1549 — 50 года, скорѣе напоминающій совѣщанія въ родѣ 1471 года, чѣмъ безспорные земскіе соборы, даже въ ихъ начальной формѣ XVI вѣка. Иными словами, это не соборъ, а предшествующее соборомъ совѣщаніе типа 1471 года. Мы укрѣпимся въ этой догадкѣ еще болѣе, когда вспомнимъ, что время отъ 1547 — 51 года отмѣчено необыкновенно оживленной преобразовательной дѣятельностью правительства при участіи населенія. Въ 1547 и 1549 году происходила канонизація святыхъ, при чемъ обязанность «извѣстно пытати и отыскивати о великихъ новыхъ чудотворцахъ» была возложена также на мірянъ, князей, бояръ и богобоязненныхъ людей. Въ 1551 году былъ составленъ Стоглавъ. Къ этому же времени относится реформа мѣстнаго управленія и введеніе помѣстной системы. Въ рядъ такого рода совѣщаній въ связи съ очередными реформами, очевидно, вошло и совѣщаніе 1549 — 50 г. для ликвидаціи старой системы управленія и изданія новаго законодательства. Идея участія населенія въ управленіи, слѣдовательно, сильно бродила въ это время, но, судя по перечисленнымъ сейчасъ случаямъ участія населенія при рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ, форму земскаго собора въ центрѣ она приняла позднѣе.

Земскіе соборы въ XVI в.

Такимъ образомъ перечень земскихъ соборовъ мы принуждены начинать не съ перваго, а съ того, который въ виду сохранившихся о немъ данныхъ не вызываетъ споровъ и сомнѣній. Это — соборъ 1566 года, созванный въ связи съ Ливонской войной. Начавшись въ 1558 году весьма удачно, эта война приняла въ 1566 году иной оборотъ, такъ что Россія лишилась нѣкоторыхъ изъ своихъ пріобрѣтеній, и польскій король, наслѣдовавшій войну послѣ отдачи подъ его покровительство магистра Ливонскаго ордена, воспользовался удобнымъ для себя моментомъ и предложилъ Ивану IV миръ на невыгодныхъ для него условіяхъ. Миръ заключался на условіи отказа отъ всѣхъ занятыхъ московскими войсками ливонскихъ городовъ. Тогда Иванъ IV

созвалъ соборъ и отдалъ рѣшеніе вопроса о мирѣ представителямъ земли.

Есть рядъ извѣстій, что вскорѣ послѣ смерти царя Ивана IV «по малѣ же времени» «пріидоша изо всѣхъ городовъ къ Москвѣ именитые люди и всего государства Московскаго» или, какъ выражается другой источникъ, «отъ всѣхъ градовъ Московскаго государства» и «просиша (молиша) со слезами царевича Ѳедора Ивановича, чтобъ былъ на Московскомъ государствѣ царемъ и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ». И Ѳедоръ Ивановичъ «не презрѣ моленія всѣхъ православныхъ христіанъ» и согласился «по ихъ прошенію» быть царемъ. Иностранецъ же Горсей прямо говоритъ объ избраніи Ѳедора Ивановича царемъ («избравъ единодушно»). На основаніи этихъ извѣстій многіе изслѣдователи полагаютъ, что въ 1584 году былъ земскій соборъ, избравшій на царство Ѳедора Ивановича.

Однако ни утвержденной грамоты объ избраніи царя, ни грамоты съ извѣщеніемъ народа объ избраніи, которая обыкновенно выпускалась въ такихъ случаяхъ, мы не имѣемъ, нѣтъ у насъ и другихъ свѣдѣній относительно созыва собора, кромѣ приведенныхъ выше, недостаточно точныхъ. Поэтому трудно рѣшить, былъ ли въ 1584 году дѣйствительно соборъ или же просто собраніе во дворцѣ именитыхъ москвичей, просившихъ и молившихъ Ѳедора Ивановича быть царемъ.

Въ 1598 году вслѣдствіе прекращенія династіи Рюриковичей былъ созванъ земскій соборъ для избранія царя, который и избралъ въ цари Б. Годунова. Отъ этого собора до насъ дошла утвержденная грамота, скрѣпленная подписями членовъ собора. Это — послѣдній соборъ въ XVI вѣкѣ.

Земское движеніе въ Смутное время и земскіе соборы XVII в.

Начало XVII вѣка извѣстно въ нашей исторіи подъ именемъ «смутнаго времени» или, выражаясь языкомъ источниковъ, «великой разрухи Московскаго государства». Страна нѣсколько разъ лишалась своего обычнаго руководителя, т.-е. царя, нѣсколько разъ выбирала его, но неудачно, наконецъ, послѣ низложенія Шуйскаго осталась на два слишкомъ года безгосударной. Уже въ промежутки между выборами царей народъ вынуждался къ тому или иному участію въ управленіи, въ устроеніи государства. Когда же выборы новаго царя отложились сами собой на неопредѣленное время и страна, терзаемая внутренней усобицей и внѣшними врагами, впала въ состояніе непрерывной анархіи, народъ силою вещей долженъ былъ взять на себя всецѣло и

единолично умиротвореніе государства и возстановленіе порядка. Земскій соборъ тогда и явился готовой формой для участія народа въ устроеніи государства. Но подъ вліяніемъ указанныхъ событій случайнаго времени рамки дѣятельности соборовъ значительно расширились, участился созывъ ихъ и возросъ политическій авторитетъ. Какъ будто, выйдя изъ нѣдръ народной жизни, они принесли съ собой всю силу и мощь народную. Чрезвычайно любопытно наблюдать это самозарожденіе и быстрое парастаніе земской дѣятельности въ началѣ XVII вѣка, и подъ вліяніемъ смуты приведшее къ пышному расцвѣту земскихъ соборовъ.

Движеніе началось съ сѣвера. Сѣверъ Руси издавна отличался развитіемъ мѣстнаго самоуправленія. Когда же въ разгаръ смуты и въ виду угрожающаго положенія, занятаго поляками, стало ясно, что спасеніе Руси зависитъ только отъ самого народа, здѣсь на хорошо подготовленной почвѣ возникло спеціальное народное движеніе въ цѣляхъ спасенія родины отъ внѣшнихъ враговъ и возстановленія внутренняго порядка. Центрами движенія были Ярославль, Вологда, Нижній, но участіе въ немъ приняли все Поволжье, вся Украйна и другіе города.

Именно, въ 1611 году въ городахъ собираются мірскіе сходы, обсуждается положеніе вещей, составляются приговоры и облекаются въ грамоты. Грамоты идутъ изъ города въ городъ, каждый городъ спѣшитъ подѣлиться съ другими своими вѣстями и своими думами, каждый городъ зоветъ другой быть съ нимъ въ «любви, совѣтѣ и соединеніи» и «со всею землею стояти вмѣстѣ за одинъ и съ литовскими людьми биться до смерти». А вслѣдъ за грамотами шлютъ другъ другу выборныхъ «для совѣта» или «для договора» и за городскими мірскими сходами собираются при участіи представителей другихъ городовъ сходы нѣсколькихъ городовъ, областные мірскіе сходы. Такимъ образомъ города смыкаются въ областные міры, идея единенія и самопомощи ширится, растетъ и крѣпнетъ, пока, наконецъ, не приводитъ къ «совѣту всея земли», если не на дѣлѣ, такъ какъ въ то время трудно было собрать всю землю, то въ идеѣ. Первымъ такимъ «совѣтомъ всея земли» является совѣтъ при ополченіи Прокопія Ляпунова, двинувшагося на освобожденіе Москвы въ началѣ 1611 года. Вторымъ — совѣтъ при ополченіи кн. Д. М. Пожарскаго 1612 года.

Совѣтъ перваго ополченія считалъ себя «совѣтомъ всея земли», т.-е. земскимъ соборомъ, и въ качествѣ такого органа

присвоилъ себѣ учредительную власть — организовалъ центральное управленіе и составилъ себѣ конституцію въ видѣ земскаго приговора 30 іюня 1611 года, какъ руководящее начало для управленія. И поскольку само ополченіе было слѣдствіемъ описаннаго выше движенія городовъ, включало въ свой составъ городскіе элементы, наконецъ, служило общенародному дѣлу, совѣтъ имѣлъ право (моральное) считать себя органомъ всей земли. Но въ дѣйствительности онъ былъ далекъ отъ полноты представительства и не имѣлъ нормальной организаціи земскаго собора. Здѣсь, кромѣ Москвы, по подсчету Латкина, были представители только 25 городовъ, при чемъ служилые представители доминировали надъ прочими. Кромѣ того, въ составѣ «совѣта» нѣтъ обычныхъ коллегіальныхъ членовъ земскаго собора — боярской думы и освященнаго собора.

Совѣтъ при ополченіи кн. Д. М. Пожарскаго уже имѣетъ вполнѣ правильную организацію, дающую ему болѣе правъ, не только моральныхъ, но и юридическихъ на названіе земскаго собора. Изъ грамотъ, разсылавшихся Пожарскимъ по городамъ, мы узнаемъ, что онъ просилъ «прислати къ намъ въ Ярославль изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два»... «для земскаго совѣта», а изъ другихъ его же грамотъ мы узнаемъ, что къ нему дѣйствительно «пріѣхали... въ Ярославль воеводы и дворяне и дѣти боярскіе да атаманы и казаки... къ общему всея земли совѣту». Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что въ совѣтѣ участвовали и посадскіе люди, т.-е. онъ былъ по своему составу всесословнымъ, въ немъ были, какъ выражается одна грамота собора, «всѣхъ чиновъ всякіе люди всѣхъ городовъ Московскаго и Казанскаго государства». Наконецъ, здѣсь были и боярская дума съ освященнымъ соборомъ, хотя и случайнаго состава. О дѣятельности собора свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшія отъ него грамоты. Послѣ освобожденія Москвы отъ поляковъ этотъ соборъ былъ распущенъ, и по городамъ были разосланы грамоты съ приглашеніемъ прислать выборныхъ въ Москву для окончательнаго устроенія государства и прежде всего для «государскаго обиранья». Такимъ образомъ собрался въ Москвѣ избирательный соборъ, который избралъ 21 февраля 1613 г. на царство Михаила Ѳедоровича Романова. Этотъ соборъ послѣ избранія царя не былъ распущенъ. До пріѣзда царя въ Москву онъ правилъ государствомъ, а послѣ его пріѣзда сталъ совмѣстно съ нимъ устраивать расшатанное смутой государство. Въ теченіе

всего 1613, 1614 и 1615 годовъ этотъ земскій соборъ находится въ сборѣ и принимаетъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ текущаго управленія. Въ концѣ 1615 года выборные распускаются, но одновременно съ этимъ назначаются новые выборы, и къ 1616 году въ Москвѣ опять собирается земскій соборъ, который, подобно своему предшественнику, засѣдаетъ непрерывно до средины 1619 года, когда соборъ самъ постановилъ обновить свой составъ, и соборъ съ обновленнымъ составомъ функціонируетъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ до 1622 года. Такимъ образомъ въ теченіе девяти лѣтъ земскій соборъ дѣйствуетъ непрерывно, выборные лишь смѣняются черезъ каждое трехлѣтіе, наподобіе современныхъ парламентовъ. Послѣ роспуска собора въ 1622 году непрерывный характеръ соборами утрачивается, они уже созываются не для текущей дѣятельности, а въ болѣе или менѣе экстренныхъ случаяхъ, ad hoc. Въ 1632 году былъ созванъ такимъ образомъ соборъ для установленія денежнаго сбора — пятой деньги на веденіе войны съ Польшей, который, повидимому, продолжался до 1634 года. Въ 1636—37 году донскіе казаки захватили Азовъ и вызвали тѣмъ самымъ вторженіе въ русскіе предѣлы крымскаго царевича Сафа-Гирея. Предстояла война съ крымцами, и по этому поводу былъ созванъ снова соборъ. Война, впрочемъ, не состоялась. Но Азовъ остался въ рукахъ донскихъ казаковъ, и черезъ нѣкоторое время азовскій вопросъ опять всплылъ и потребовалъ своего разрѣшенія. Въ 1642 году казаки били челомъ царю принять отъ нихъ Азовъ, что было равносильно объявленію войны Турціи. И для рѣшенія вопроса о томъ, принимать Азовъ, и, стало-быть, воевать съ Турціей или же отказаться отъ него, былъ созванъ извѣстный соборъ 1642 года. Отъ этого собора, послѣдняго въ царствованіе Михаила, осталось очень много обстоятельныхъ свѣдѣній, которыя цѣнны, во-первыхъ, для изображенія соборной дѣятельности, а во-вторыхъ, для опредѣленія того настроенія, съ какимъ иногда являлись на соборъ депутаты и которое оказывало вліяніе на правительство.

Земскій соборъ 1642 г.

Собору 1642 года предшествовало совѣщаніе царя съ боярами относительно Азова. На этомъ совѣщаніи была составлена приблизительная смѣта расходовъ, сопряженныхъ съ принятіемъ Азова и помощью казакамъ. Самый же вопросъ о принятіи Азова бояре предложили царю отдать на разрѣшеніе земскаго собора.

Въ это время въ Москвѣ находилось очень много провинціальныхъ служилыхъ людей, съѣхавшихся для ликвидаціи своихъ судебныхъ дѣлъ. И правительство въ виду угрожающаго положенія, занятаго, по вѣстямъ, турецкимъ султаномъ, рѣшило воспользоваться съѣздомъ служилыхъ людей для созыва въ возможно короткій срокъ земскаго собора. Поэтому на соборѣ 1642 года и не было представителей торгово-промышленнаго класса отъ городовъ. Вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ, боярами, дьяками и столичными торговыми людьми провинціальные дворяне и дѣти боярскія были собраны 3 января въ Столовой избѣ, гдѣ въ присутствіи государя «печатникъ и думный дьякъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лихачевъ» сообщилъ собравшимся о намѣреніи правительства созвать земскій соборъ, о причинѣ созыва и о томъ, сколько слѣдуетъ «изо всякихъ чиновъ» выбрать «добрыхъ и умныхъ людей» на соборъ. Указаніе на то, что выборы депутатовъ происходили въ Москвѣ и изъ среды московскаго населенія и находившихся въ этотъ моментъ «на Москвѣ» провинціальныхъ служилыхъ людей, можно найти, между прочимъ, и въ самомъ соборномъ актѣ, именно въ указѣ о выборахъ. Указъ говоритъ о большихъ и малыхъ «статьяхъ», примѣнительно къ которымъ должны быть произведены выборы депутатовъ и ничего не говоритъ о городахъ, о количествѣ выборныхъ отъ городовъ, что обыкновенно упоминается въ указахъ о выборахъ. Очевидно, въ данномъ случаѣ указъ имѣлъ въ виду выборы въ Москвѣ, для которой, конечно, не имѣло смысла подобное упоминаніе. А черезъ нѣкоторое время послѣ этого собранія (по предположенію проф. Рождественскаго 8 января) въ той же Столовой избѣ собрались уже выборные и открылся самый соборъ.

Засѣданіе началось чтеніемъ «письма» «о азовскомъ дѣлѣ и о войнѣ» «всѣмъ людямъ вслухъ». Въ «письмѣ» обстоятельно излагался весь ходъ событій, вызвавшихъ захватомъ Азова казаками, вплоть до момента созыва собора, и ставилось на видъ депутатамъ, что въ случаѣ принятія Азова и отсюда войны съ Турціей «ратные люди надобны будутъ многіе» и «деньги надобны жъ многія» и всякіе запасы «не на одинъ годъ». А откуда все это взять — говорилось въ заключеніи «письма» — выборнымъ земли «помыслить о томъ накрѣпко и государю... мысль свою объявить на письмѣ, чтобъ ему, государю, про то про все было извѣстно». По прочтеніи «письма» «раз-

ныхъ всякихъ чиновъ выборнымъ людямъ» «для подлиннаго вѣдома» были розданы копіи съ него, а митрополиту Серапіону, не присутствовавшему на открытіи земскаго собора, копія «письма» была отослана съ собора съ предложеніемъ собрать освященный соборъ и представить письменное мнѣніе духовенства по азовскому «дѣлу». Получивъ копіи «письма», члены собора разошлись и занялись изложеніемъ своихъ мнѣній относительно принятія Азова. Очевидно для руководства и редактированія мнѣній къ отдѣльнымъ группамъ, на которыя разбились члены собора, были приставлены дьяки.

Мнѣнія начали поступать съ перваго же дня собора. Одни изъ нихъ очень кратки и безсодержательны, другія, наоборотъ, необыкновенно обстоятельны и содержательны.

«Власти», т.-е. духовенство въ лицѣ освященнаго собора признали себя некомпетентными въ рѣшеніи азовскаго вопроса— «то, государь, дѣло твое, государево, и твоего царскаго синклита» (т.-е. бояръ), «а намъ... то все не за обычай», сказали они. Впрочемъ, съ своей стороны они «ради помогать, елико сила наша можетъ».

Стольники во всемъ положились, подобно духовенству, на волю государя. И въ принятіи Азова и въ изысканіи средствъ на войну съ Турціей и сборѣ ратныхъ людей — «въ томъ его государская воля». А если царь рѣшитъ не принимать Азова, и «въ томъ его жъ государская воля».

Мнѣніе московскихъ дворянъ тоже начинается предоставленіемъ окончательнаго рѣшенія вопроса царю — «какъ ему государю Богъ извѣститъ». Но въ то же время они высказали и свой собственный взглядъ. По ихъ мнѣнію, Азовъ необходимо удержать и въ связи съ этимъ «прибрать охочихъ людей въ украинныхъ городахъ», такъ какъ «имъ та служба за обычай». Два дворянина Беклемишевъ и Желябужскій, однако, выдѣлились изъ группы столичнаго дворянства и подали особое мнѣніе. Очевидно, они сочли своимъ долгомъ высказаться передъ царемъ болѣе опредѣленно и обстоятельно, чѣмъ ихъ сотоварищи. По крайней мѣрѣ, ихъ мнѣніе отличается именно этими чертами.

Беклемишевъ и Желябужскій категорически высказываются за принятіе Азова отъ казаковъ и мотивируютъ свое мнѣніе исторической справкой о тѣхъ неправдахъ крымскаго царя, которыя уже не разъ испытала Россія. По ихъ мнѣнію, нельзя,

даже грѣхъ, оставлять безнаказанными эти неправды. Что касается практическихъ шаговъ въ этомъ направленіи, то авторы особаго мнѣнія и здѣсь высказываются вполнѣ опредѣленно. Они говорятъ, что надо послать казакамъ «въ прибавку» «ратныхъ пѣшихъ вольныхъ людей», «опричь крѣпостныхъ и кабальныхъ людей», городъ же получше укрѣпить. Для сбора всякихъ запасовъ на жалованье, по ихъ мнѣнію, надо выбрать «изо всякихъ чиновъ людей добрыхъ человѣка по два и по три». При сборѣ необходимо, чтобы «не служилые съ служилыми людьми въ равенствѣ были». На монастыри и крупныхъ владѣльцевъ въ данномъ случаѣ правительству слѣдуетъ обратить особое вниманіе, а малопомѣстнымъ и безпомѣстнымъ, наоборотъ, оказать льготу.

Стрѣлецкіе сотники совсѣмъ воздержались отъ собственнаго мнѣнія и ограничились заявленіемъ полной готовности служить, «гдѣ государь ни укажетъ».

Провинціальные служилые люди — дворяне и дѣти боярскія — разбились на три группы, и каждая группа подала свое мнѣніе отдѣльно. Въ этой средѣ азовскій вопросъ встрѣтилъ особенно внимательное и серьезное отношеніе. Только владимирцы ограничились стереотипной фразой — «во всемъ тамъ воленъ государь и его государевы бояре». Остальные же дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ представили тщательно и детально разработанное мнѣніе. Кромѣ того, вопросъ объ Азовѣ и изысканіи средствъ на удержаніе этого города и предстоящую войну съ Турціей подалъ имъ поводъ коснуться внутреннихъ порядковъ. И они выступили со смѣлымъ и энергичнымъ протестомъ противъ существующаго строя, такъ что вопросъ внѣшней политики какъ бы отодвинулся, отступилъ на задній планъ передъ серьезнымъ и больнымъ вопросомъ внутренней жизни не только на соборѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ. «А твои государевы дьяки и подьячіе, — заявили депутаты, — пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами и, будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ и покупили многія вотчины и домы свои состроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя».

Проникнутые, такимъ образомъ, недовѣріемъ къ власть имущимъ, провинціальные депутаты настойчиво рекомендуютъ и правительству такое же недовѣріе къ людямъ вообще состоятельнымъ и вліятельнымъ.

Азовъ они считаютъ безусловно необходимымъ удержать и передъ войной съ Турціей не останавливаться «за ихъ многую... неправду». Въ помощь казакамъ они предлагаютъ послать въ Азовъ «стрѣльцовъ да стараго сбора солдатовъ», а «хлѣбныхъ запасовъ для скораго подъема тѣхъ ратныхъ людей... взять съ украинныхъ и зарѣцкихъ городовъ съ живущаго со всѣхъ безъ выбора», въ томъ числѣ съ дворцовыхъ селъ. И вотъ въ этомъ случаѣ они совѣтуютъ правительству принять мѣры къ тому, чтобы бояре и ближніе, пожалованные многими помѣстьями и вотчинами. также дьяки и подьячіе и монастыри не уклонились отъ несенія государственной повинности. Въ частности относительно «властей» они предлагаютъ спеціальную мѣру — «ихъ вотчинамъ имать росписи съ большимъ допросомъ» и за ихъ руками, а утаенныхъ крестьянъ брать «на себя, государя».

Въ отношеніи своей братіи, дворянъ и дѣтей боярскихъ они тоже считаютъ долгомъ указать на тѣхъ, которые «у твоихъ государевыхъ дѣлъ отяжелѣли и обогатѣли большимъ богатствомъ». Что касается, наконецъ, ихъ самихъ, то, хотя они готовы «работать головами своими и всею душею», но, какъ малопомѣстные и безпомѣстные, просятъ взыскать своимъ государевымъ жалованьемъ — взять со всѣхъ служилыхъ людей роспись крестьянъ и опредѣлить, кому служить съ жалованьемъ и кому безъ жалованья.

Представители торгово-промышленнаго класса — гости и суконная сотня—отклонили отъ себя рѣшеніе вопроса объ Азовѣ, какъ недоступнаго ихъ компетенціи, и съ своей стороны лишь заявили государю полную готовность «служить своими головами». Но при этомъ они напоминаютъ государю, что среди нихъ многіе люди оскудѣли вслѣдствіе «безпрестанныхъ службъ», а также отъ «воеводскаго задержанія и насилія». Они даже выражаютъ сожалѣніе о томъ времени, когда воеводы назначались только въ пограничные города и повсюду были земскіе органы власти.

Въ томъ же смыслѣ высказались и старосты черныхъ сотенъ и слободъ.

Когда всѣ мнѣнія отдѣльныхъ группъ поступили, изъ нихъ были сдѣланы краткія извлеченія. Соборный актъ, дошедшій до насъ не имѣетъ конца, онъ обрывается какъ разъ на этихъ экстрактахъ изъ групповыхъ мнѣній, и мы лишены возможности судить о цѣли ихъ. По всей вѣроятности, экстракты предназначались для царя. Вслѣдствіе того же дефекта акта мы не

знаемъ окончательнаго приговора собора. Но мы знаемъ, что правительство царя Михаила отказалось принять Азовъ. Очевидно, несмотря на готовность собора не только защищать Азовъ, но и вести войну съ Турціей, оно не рѣшилось послѣ обнаруженныхъ соборомъ непорядковъ и разоренія населенія подвергать страну новымъ испытаніямъ.

Земскій соборъ 1648-49 года.

При царѣ Алексѣѣ земскіе соборы созывались значительно рѣже. Самымъ замѣчательнымъ соборомъ этого царствованія надо признать, конечно, соборъ 1648—49 года, на которомъ было составлено новое Уложеніе.

Любопытную особенность этого собора составляетъ та тѣсная и живая связь, которая установилась и все время поддерживалась при помощи народныхъ челобитныхъ между нимъ и населеніемъ и въ результатѣ которой выполненная соборомъ работа оказалась въ значительной степени соотвѣтствующей интересамъ населенія, по крайней мѣрѣ, той его части, которая господствовала какъ на соборѣ, такъ и въ жизни (средніе слои). До 80 новыхъ статей Уложенія являются въ сущности переработкой народныхъ челобитенъ.

Населенію можно сказать принадлежала даже самая инициатива созыва собора. Оно указало правительству на необходимость составленія новаго Уложенія, и тогда уже съ этой цѣлью былъ созванъ соборъ 1648—49 года. Ища выхода изъ своего невыносимаго экономическаго и правового положенія, народъ то поднималъ мятежи, то осаждалъ царя челобитьями, въ которыхъ просилъ его о томъ, чтобы былъ о «всѣхъ нуждахъ» народныхъ «государевъ указъ учиненъ». И правительство, внимая народнымъ угрозамъ и мольбамъ, рѣшило, наконецъ, какъ свидѣтельствуетъ одинъ офиціальный источникъ (грамота о присылкѣ выборныхъ на соборъ), «по челобитью стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ и иноземцевъ, и всякихъ чиновъ торговыхъ людей», т.-е. самого населенія Московскаго государства предпринять пересмотръ и дополненіе существующаго законодательства, чтобы положить конецъ вопіющимъ злоупотребленіямъ властей, обнаруженныхъ еще соборомъ 1642 года, и чтобы, наконецъ, въ Московскомъ государствѣ «судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна». Относительно этой грандіозной работы царь предварительно 16 іюля 1648 года «совѣтовалъ съ отцомъ своимъ... Іосифомъ патріархомъ и съ митрополиты и

архіепископы и съ епископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и говорилъ съ своими государевыми бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми», и на этомъ предварительномъ совѣщаніи былъ выработанъ планъ задуманной кодификаціи законовъ. Рѣшено было въ цѣляхъ кодификаціи использовать прежде всего наличный прежній матеріалъ — выбрать изъ правилъ св. апостоловъ и отцовъ и изъ городскихъ законовъ греческихъ царей статьи «пристойныя къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ» и собрать указы прежнихъ русскихъ царей и боярскіе приговоры и «справить» ихъ съ старыми судебниками. А затѣмъ уже «на которыя статьи въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено и боярскихъ приговоровъ... не было», составить новые законы. И «тѣ бъ статьи (новыя) потому же написати и изложити по его, государеву, указу общимъ совѣтомъ», т.-е. пополненіе законовъ новыми сдѣлать при участіи, содѣйствіи земскаго собора. Для выполненія всей предварительной, редакціонной работы — «то все собрати и въ докладъ написати» — на этомъ же совѣщаніи была назначена особая комиссія изъ бояръ и дьяковъ съ кн. Н. И. Одоевскимъ во главѣ. Наконецъ, «для того государева и земскаго великаго дѣла государь указалъ, а бояре приговорили» выбрать отъ придворныхъ и столичныхъ служилыхъ людей всѣхъ разрядовъ по два человѣка, отъ провинціальныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ большихъ городовъ тоже по два человѣка, а отъ меньшихъ городовъ и пятинъ Новгорода по одному человѣку, отъ гостей по три человѣка, отъ гостинной и суконной сотенъ по два, отъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, а также отъ провинціальныхъ посадскихъ людей по одному человѣку и прислать ихъ къ 1 сентября 1648 года въ Москву.

Населеніе, какъ и надо было ожидать въ виду исключительно важной цѣли собора, затрагивавшей его насущные интересы, горячо отозвалось на призывъ правительства. На соборъ явились представители болѣе 120 городовъ.

За недостаткомъ данныхъ полная картина дѣятельности собора по составленію Уложенія не можетъ быть возстановлена. Но на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи, можно заключить, что эта работа происходила въ томъ именно порядкѣ, который былъ предначертанъ предварительнымъ совѣщаніемъ царя съ освященнымъ соборомъ и боярской думой.

Вся тяжесть кодификаціонной работы пала на комиссію кн. Одоевскаго. Сюда стекались всѣ необходимые для кадификаціи матеріалы, перерабатывались здѣсь, обращались въ статьи закона и въ такомъ видѣ докладывались царю и затѣмъ уже получали силу закона. Что же касается участія въ составленіи новаго Уложенія земскаго собора, то изъ обѣихъ составныхъ частей его каждая работала отдѣльно, независимо отъ другой, и дѣлала свое особое дѣло. Земскіе выборные засѣдали въ Отвѣтной палатѣ подъ предсѣдательствомъ кн. Ю. А. Долгорукаго и занимались здѣсь подготовкой матеріала для новыхъ статей Уложенія и принимали мѣры къ согласованію ихъ съ назрѣвшими нуждами. Они принимали народныя челобитья, поступавшія на соборъ, возбуждали сами соотвѣтствующія ходатайства по поводу этихъ нуждъ, наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ приглашались въ самую комиссію кн. Одоевскаго и такимъ образомъ принимали уже непосредственное участіе въ кодификаціонной работѣ. Освященный же соборъ и боярская дума (невыборная часть собора) засѣдали съ царемъ и разсматривали уже готовыя статьи Уложенія, поступавшія изъ комиссіи кн. Одоевскаго. Обѣ части земскаго собора соединялись лишь для окончательнаго утвержденія статей Уложенія. Тогда выборные приглашались въ общее засѣданіе съ освященнымъ соборомъ и боярской думой, и имъ прочитывались въ присутствіи царя одобренныя царемъ статьи, «чтобы то все Уложеніе впредь было точно и неподвижно». Они подписывали прочитанныя статьи, дьяки скрѣпляли ихъ, и статьи получали силу закона. Утвержденныя земскимъ соборомъ статьи тотчасъ же примѣняли на практикѣ до составленія всего Уложенія. Вся работа по составленію новаго Уложенія продолжалась болѣе полугода.

Въ 1650 году созывался соборъ по случаю народныхъ волненій, охватившихъ сѣверъ государства, и, наконецъ, въ 1651 и въ 1653—54 годахъ происходили соборы для рѣшенія вопроса о присоединеніи къ Московскому государству Малороссіи—послѣдніе соборы въ практикѣ Московскаго государства.

Такова внѣшняя исторія земскихъ соборовъ и исчерпывающій перечень ихъ.

Сепаратныя совѣщанія правительства съ населеніемъ.

Мы обошли молчаніемъ случаи участія народа въ государственныхъ дѣлахъ, принимаемые нѣкоторыми учеными за земскіе соборы, не считая ихъ таковыми. Это судъ надъ Шуйскимъ въ царствованіе перваго Лжедимитрія, въ 1605 году, выборы

въ цари (1606 г.) и низложеніе Шуйскаго (1610 г.) и санкціонированіе народомъ восшествія на престолъ царя Алексѣя въ 1645 году. Участіе во всѣхъ перечисленныхъ актахъ народа въ лицѣ всѣхъ сословій несомнѣнно, но это исключительно московскій народъ, кромѣ того, мы ничего не знаемъ о выборахъ представителей. Въ частности относительно выборовъ Шуйскаго въ цари мы имѣемъ даже неоднократное указаніе источниковъ на избраніе его не земскимъ соборомъ, а московской толпой, руководимой боярами. Московская площадь въ это время и послѣ (напримѣръ, въ 1682 году, когда были провозглашены царями Петръ и Иванъ Алексѣевичи) нерѣдко играла роль «всей земли», и московская толпа случайнаго состава инсценировала «совѣтъ всея земли», земскій соборъ. Но отсюда было далеко до дѣйствительнаго участія всей земли и земскаго собора, какъ правильной формы такого участія. Это скорѣе — вѣча города Москвы.

Не включили въ свой перечень соборовъ мы также совѣщаній правительства съ представителями населенія въ 1660 году и въ 1682 году, такъ какъ въ первомъ случаѣ въ совѣщаніи участвовали лишь представители торгово-промышленнаго класса, а во второмъ—служилаго. Такого рода совѣщанія не считало земскими соборами и само населеніе. Московскіе торговые люди, отказавшись въ 1662 году обсуждать вопросъ о дороговизнѣ, не выходящій за предѣлы ихъ компетенціи, — «то дѣло всего государства», — и посовѣтовавши правительству созвать для рѣшенія даннаго вопроса земскій соборъ, тѣмъ самымъ рѣзко отграничили сепаратныя совѣщанія отъ «совѣта всея земли».

III.

Форма представительства на земскихъ соборахъ.

Итакъ, земскіе соборы созывались въ теченіе времени отъ половины XVI вѣка до начала второй половины XVII вѣка.

Это періодъ окончательнаго формированія Московскаго государства въ самодержавную монархію. Къ моменту воцаренія Ивана IV завершилось территоріальное объединеніе владѣній московскаго государя. Отецъ Грознаго Василій III былъ, по выраженію лѣтописи, послѣднимъ собирателемъ Руси, онъ присоединилъ къ Москвѣ послѣдніе удѣлы. Завершилось въ это время и сосредоточеніе государственной власти въ однѣхъ рукахъ. Въ 1471 и 1510 гг. пали послѣдніе оплоты народовластія, а опричина, сопровождавшаяся въ обширныхъ размѣрахъ кон-

фискаціей частнаго, боярскаго землевладѣнія, въ корнѣ подорвала матеріальную основу удѣльныхъ государей. И московскій государь принялъ титулъ царя самодержца. Но для полнаго и дѣйствительнаго утвержденія самодержавія московскому государю недоставало ни отъ кого и ни отъ чего независимыхъ средствъ для управленія обширнымъ государствомъ — техническихъ и матеріальныхъ. У него не было прежде всего соотвѣтствующаго штата чиновниковъ. Приказная система управленія еще только зарождалась. Первые приказы возникли, правда, въ XV вѣкѣ, но процессъ образованія ихъ не закончился даже при царѣ Алексѣѣ. Воеводы, приказной органъ областного управленія, появляются лишь въ началѣ XVII вѣка. Не было въ распоряженіи московскихъ государей точно такъ же постояннаго войска. Какъ извѣстно, первые регулярные полки относятся ко времени царя Алексѣя. Наконецъ система обложенія далека была отъ совершенства и мало давала казнѣ. Между тѣмъ частыя войны требовали безпрестанныхъ призывовъ населенія къ оружію и взиманія денегъ. При такихъ условіяхъ московскіе государи, неограниченные и самодержавные въ теоріи, на дѣлѣ оказывались въ полной зависимости отъ своихъ подданныхъ. Если эта зависимость чувствовалась даже въ половинѣ XVI вѣка и Иванъ IV, имѣвшій въ своемъ распоряженіи преданныхъ ему опричниковъ, не могъ все же въ управленіи землей обойтись безъ помощи ненавистныхъ бояръ, то въ концѣ этого вѣка и началѣ слѣдующаго вѣка московскіе государи положительно не могли шагу ступить безъ помощи населенія. Обращеніе къ содѣйствію населенія, такимъ образомъ, указывалось самими обстоятельствами. И московскіе государи дѣйствительно стали искать себѣ содѣйствія въ подвластномъ имъ населеніи. Въ областномъ управленіи это содѣйствіе вылилось въ форму земскаго самоуправленія и вѣрной службѣ, а въ центрѣ привело къ созыву земскихъ соборовъ.

Само собою разумѣется, при тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, которые тогда имѣло Московское государство, созывъ всего населенія, какъ это было въ удѣльныхъ княжествахъ, былъ невозможнымъ. Участіе населенія могло выразиться только въ формѣ представительства. Земскіе соборы и явились у насъ первой формой представительства. Однако въ разсматриваемое время *народное* представительство въ нашемъ смыслѣ было невозможно. Народа, какъ цѣлаго, какъ совокупность равноправныхъ индивидуумовъ или гражданъ, тогда не было. Народъ мы-

слился и, дѣйствительно, представлялъ изъ себя совокупность сословій, различныхъ по своимъ правамъ и обязанностямъ. Непереходимую грань между сословіями у насъ собственно положило только Уложеніе царя Алексѣя. Но дифференціація населенія произошла задолго до его изданія, и среди населенія ясно обозначались — духовенство, служилые люди и тяглые. На тяглыхъ лежала обязанность платежа податей, за что они пользовались исключительнымъ правомъ торговли и промысла; служилые люди отбывали воинскую повинность и за это владѣли землей и освобождались отъ податей; наконецъ, духовенство тоже было свободно за свои обязанности отъ податей и имѣло право на владѣніе землей. Поэтому естественно содѣйствіе земли, всей земли въ идеѣ, на дѣлѣ должно было свестись къ содѣйствію отдѣльныхъ сословій. И дѣйствительно, созывая земскіе соборы, правительство обращается не ко всей землѣ въ цѣломъ, а именно къ отдѣльнымъ сословіямъ. Оно предписываетъ воеводамъ произвести выборы не отъ всего населенія извѣстной территоріи, а «изъ духовнаго чина человѣка или дву, а изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ по два человѣка, а изъ гостей и изъ посадскихъ людей по два человѣка», т.-е. отъ каждаго сословія или «чина», подраздѣленія сословія, въ отдѣльности. Крапивенскій воевода Василій Астафьевъ получилъ даже замѣчаніе за то, что «сглупилъ, мимо посадскихъ людей прислалъ въ ихъ мѣсто сына боярскаго да пушкаря, мимо государева указа». На самомъ соборѣ правительство обращается тоже къ каждому сословію въ отдѣльности и за тою помощью, за тѣмъ содѣйствіемъ, которое оно могло оказать. Въ свою очередь, и сословія занимаютъ на соборѣ обособленное положеніе, распадаются на тѣ подраздѣленія, которыя имѣютъ мѣсто въ жизни. Наконецъ, каждое сословіе обыкновенно говоритъ только отъ своего имени, освѣщаетъ ту сторону вопроса, которая ему доступна въ силу сословнаго положенія и предлагаетъ лишь тѣ услуги, на какія оно способно. Такъ на соборѣ 1566 года духовенство предложило молиться, служилые люди «всѣмъ за государя головы свои класть», торговые люди пожертвовать своими достатками. Буквально та же сцена повторилась на соборѣ 1642 года. Иначе говоря, представительство на земскихъ соборахъ имѣло *сословный* характеръ.

Таковы основанія, по которымъ возникли земскіе соборы, перечень ихъ и та форма, которую на нихъ получило представительство.

Ознакомимся теперь съ ихъ организаціей.

IV.

Организація земскихъ соборовъ и ихъ значеніе, какъ государственнаго учрежденія.

Земскіе соборы не имѣли писаннаго закона, который предусматривалъ бы ихъ созывъ и опредѣлялъ ихъ организацію и компетенцію. Попытки подвести подъ нихъ основаніе закона, сдѣлать ихъ существующими и дѣйствующими въ силу закона были сдѣланы не разъ. Назовемъ хотя бы попытку при избраніи на царство польскаго королевича Владислава. Но успѣхомъ онѣ, повидимому, не увѣнчались. Земскіе соборы, какъ были въ XVI в., такъ остались и въ XVII вѣкѣ явленіемъ обычнаго права. Они держались сознаніемъ необходимости совѣщаній царя съ населеніемъ. Народъ считалъ, что извѣстныя дѣла могутъ быть рѣшены лишь по совѣту «всей земли», и государь въ такихъ случаяхъ долженъ созывать земскій соборъ. Напримѣръ, на предложеніе мира посломъ Баторія Горабурдой въ 1585 году бояре сказали: «Это дѣло великое для всего христіанства, государю нашему надобно посовѣтоваться объ немъ со *всею землею*»... Ту же мысль высказали послѣ въ 1662 году московскіе торговые люди, заявивъ правительству, спросившему ихъ о причинахъ хлѣбной дороговизны, что это «дѣло *всего государства*». И московскіе государи дѣйствительно въ извѣстныхъ случаяхъ созывали земскіе соборы и «уговаривались» на нихъ съ народомъ. Болѣе того, они старались свое рѣшеніе отдать на рѣшеніе народа. Оповѣщая населеніе о состоявшемся рѣшеніи, положимъ, собирать пятую деньгу, они указывали, что рѣшеніе состоялось не только «по государеву указу», но и «по земскому приговору». Но чего-либо точно опредѣленнаго, строго установленнаго въ данномъ случаѣ не было. Поэтому соборы то созываются чаще, то рѣже, то, наконецъ, совсѣмъ не созываются. Обыкновенно земскіе соборы созывались въ экстренныхъ случаяхъ для рѣшенія чрезвычайныхъ вопросовъ и по разрѣшеніи ихъ тотчасъ же распускались. Къ числу такихъ вопросовъ большею частію принадлежали — объявленіе войны или заключеніе мира и сопряженные съ войной сборы людей и денегъ. Но въ началѣ XVII в. намъ извѣстны соборы, не распускавшіеся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и занимавшіеся вопросами текущаго управленія. Однимъ словомъ, здѣсь фактъ господствовалъ надъ правомъ, случай надъ закономъ.

Созыву собора предшествовало нерѣдко совѣщаніе царя съ боярами или патріархомъ, на которомъ вопросъ, подлежавшій обсу-

женію собора, предварительно разрабатывался и подготовлялся. Такъ, напримѣръ, передъ соборомъ 1642 года бояре совмѣстно съ царемъ составили смѣту расходовъ, сопряженныхъ съ войной съ Турціей. Послѣ состоявшагося рѣшенія созвать соборъ разсылались соотвѣтствующія грамоты по городамъ съ предложеніемъ воеводамъ произвести выборы. Въ грамотахъ этихъ указывался поводъ созыва собора и количество выборныхъ отъ каждаго «чина», равнымъ образомъ и тѣ условія, которымъ должны удовлетворять выборные. Число депутатовъ иногда указывалось точно — по 2, по 3, 5, 7 и т. д. отъ каждаго «чина», иногда же въ неопредѣленной формѣ—«по скольку человѣкъ пригоже». Избирательнымъ округомъ считался городъ съ уѣздомъ, для Новгорода пятина. Больше всего посылала на соборы депутатовъ Москва. Отъ депутатовъ требовалось, чтобы они были «добрые и смышленые, которымъ государевы и земскія дѣла за обычай», или пространнѣй, — которые умѣютъ «разсказать обиды, насильства и разореніе, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей жаловать и умѣли бы устроить Московское государство, чтобы пришли всѣ въ достоинство». Обязанность воеводы по выборамъ состояла въ объявленіи жителямъ (въ церкви или при полной избѣ) государева указа о соборѣ и предложеніи каждому сословію выбрать изъ своей среды представителей. Вмѣшательство въ выборы, давленіе на избирателей при этомъ не допускалось и строго преслѣдовалось. Упомянутаго выше крапивенскаго воеводу Василія Астафьева велѣно было «осудить гораздо» за то, что «велѣно дворянамъ промежъ себя выбрать дворянъ добрыхъ, а не ему выбрать», т.-е. за произволъ, самоличное избраніе дворянскихъ депутатовъ. Послѣ выборовъ составлялся протоколъ и подписывался участвовавшими въ выборахъ. Предъ отправленіемъ на соборъ избиратели давали своимъ выборнымъ письменные или, по крайней мѣрѣ, устные наказы о своихъ нуждахъ [1]) и снабжали ихъ «запасами». По пріѣздѣ въ Москву и представленіи въ Посольскомъ приказѣ выборные въ

[1]) Насколько иногда избиратели ревниво относились къ выполненію возложенныхъ на выборныхъ порученій, показываетъ случай съ курскимъ депутатомъ на соборѣ 1648—49 года. Онъ опасался, что при возвращеніи домой избиратели встрѣтятъ его крайне недружелюбно за то, что не всѣ нужды вошли въ Уложеніе, и выпросилъ себѣ охранную грамоту на случай учиненія надъ нимъ „всякаго дурна“ избирателями.

назначенный день собирались въ одну изъ царскихъ палатъ (Грановитую или Столовую), и здѣсь имъ царемъ или дьякомъ отъ имени царя объявлялось, зачѣмъ они собраны и что отъ нихъ требуется. За этимъ, такъ сказать, открытіемъ собора слѣдовали совѣщанія членовъ собора, обыкновенно порознь каждаго чина и подача ими письменныхъ или словесныхъ мнѣній. На соборѣ 1648—49 гг. депутаты участвовали въ редакціонной комиссіи кн. Одоевскаго. Допускались и отдѣльныя, особыя мнѣнія. Отобранныя мнѣнія представлялись государю и здѣсь сводились въ одно цѣлое съ мнѣніемъ боярской думы и освященнаго собора. Ради достиженія единогласія, повидимому, сглаживались противорѣчія между мнѣніями отдѣльныхъ чиновъ — по крайней мѣрѣ, въ дошедшихъ до насъ актахъ соборовъ приговоръ собора всегда оказывается «единомысленнымъ совѣтомъ». Царь, патріархъ и другіе высшіе чины прикладывали къ приговору свои печати, а остальные члены свои руки, и соборъ распускался.

При томъ господствѣ случая надъ закономъ, о которомъ мы говорили выше и которое вносило неопредѣленность и шаткость въ организацію и дѣятельность земскихъ соборовъ, понятно, и политическій авторитетъ ихъ не могъ никогда оставаться неизмѣннымъ. Онъ колебался, то поднимаясь, то опускаясь. Въ безгосударное время земскіе соборы съ переходомъ къ нимъ всей полноты власти имѣли учредительное значеніе. Точно такъ же при царѣ Михаилѣ земскіе соборы занимали совершенно равноправное положеніе съ государемъ. Они сносились непосредственно съ населеніемъ, отъ своего имени обращались къ нему за содѣйствіемъ правительству. Когда въ 1618 году вступилъ въ русскіе предѣлы польскій королевичъ Владиславъ и по этому поводу былъ созванъ земскій соборъ, то члены собора лично отъ себя, въ качествѣ органа власти, обратились къ населенію за помощью. Служилыхъ людей они призывали «сбираться наспѣхъ и быти съ бояриномъ и съ воеводою со княземъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ (назначеннымъ командиромъ) съ товарищи и о томъ радѣть, чтобъ Московскому государству помочь учинить и надъ литовскими людьми промышлять, сколько Богъ помочи подастъ». Духовенство же и торговыхъ и посадскихъ людей просили «ратныхъ людей на службу поднять: взаймы денегъ и въ запросъ, сколько кому дать, доведется дать». Въ другихъ же случаяхъ соборъ высказывалъ лишь свое мнѣніе, съ кото-

рымъ вдобавокъ государь когда считался, а когда и нѣтъ (соборъ 1642 г.). Въ концѣ-концовъ, все зависѣло отъ стеченія обстоятельствъ, отъ соотношенія договаривающихся между собою силъ — царя и земли.

Эта особенность земскихъ соборовъ сыграла свою роль и въ конечной судьбѣ нашихъ сословныхъ собраній.

V.

Прекращеніе созыва земскихъ соборовъ.

Земскіе соборы прекратили свое существованіе во второй половинѣ XVII в., послѣ напряженной и плодотворной работы вмѣстѣ съ правительствомъ по устроенію государства. Но говорить о полномъ устроеніи государства въ то время было преждевременно. Насколько государственный порядокъ былъ еще далекъ отъ прочности, это лучше всего показывали періодически вспыхивавшіе народные мятежи. Въ то же время собственныя техническія и матеріальныя средства правительства оставались еще ограниченными — правительственный аппаратъ для управленія народомъ и выкачиванія изъ него денегъ достигъ совершенства позднѣе при Петрѣ I. Другими словами, нужда въ содѣйствіи населенія не прошла совершенно, она только утратила свой острый характеръ. Не даромъ и само правительство, отказавшись отъ земскихъ соборовъ, постоянно обращается къ помощи свѣдущихъ лицъ для рѣшенія того или иного вопроса. Но земскіе соборы перестали созывать. Стало-быть, была особая, такъ сказать, привходящая причина, которая положила конецъ этому учрежденію. На нее уже давно указала наша историческая наука. Она заключалась въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя установились между соборами и новымъ правящимъ классомъ въ лицѣ придворно-приказной аристократіи, образовавшимся около царей новой династіи. Пока соборы ограничивались подачей мнѣній и изъявленіемъ готовности всемѣрно помогать правительству, отношенія эти были мирныя. Когда же на соборахъ выборные земли стали жаловаться государю на злоупотребленія властей и жестоко критиковать существующій порядокъ управленія (соборы 1619 и 1642 гг.), то отношенія натянулись. Этотъ своего рода духъ оппозиціи соборовъ сталъ внушать правящему классу опасеніе за потерю власти, во всякомъ случаѣ велъ къ нежелательной для нихъ борьбѣ за обладаніе властью и могъ, конечно, отразиться на милости царя къ нимъ, которая была

источникомъ ихъ благосостоянія. Устранить такого опаснаго соперника и врага было въ прямыхъ интересахъ правящаго класса, и онъ не преминулъ сдѣлать съ своей стороны все для этого. Послѣднимъ толчкомъ для открытія компаніи противъ соборовъ послужилъ соборъ 1648 года. Какъ извѣстно, этотъ соборъ провелъ рядъ мѣръ, направленныхъ противъ крупнаго землевладѣнія (свѣтскаго и церковнаго), и вызвалъ цѣлую бурю негодованія въ правящихъ сферахъ, затронутыхъ въ своихъ матеріальныхъ интересахъ. Выразителемъ этого негодованія явился, между прочимъ, патріархъ Никонъ. Патріархъ лично былъ заинтересованъ въ сохраненіи прерогативъ церковной іерархіи и привилегированнаго положенія церкви въ имущественномъ отношеніи и потому выступилъ съ протестомъ противъ собора и его постановленій. Но, какъ представитель имущественныхъ интересовъ правящаго класса, онъ оказался защитникомъ всего правящаго класса. Въ правящихъ сферахъ вполнѣ раздѣляли отрицательное отношеніе Никона къ собору 1648—49 года. Здѣсь нужды народныя, предъявленныя въ челобитьяхъ, поступавшихъ на соборъ, третировались (какъ это видно изъ одного офиціальнаго документа—«береженной» грамоты депутату), какъ народныя «прихоти». Никонъ со всей свойственной ему горячностью и грубостью обрушился на соборъ 1648—49 года, который онъ разсматривалъ какъ уступку черни, «боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей» и на составленное имъ Уложеніе, которое въ глазахъ патріарха было богопротивной и «проклятой» книгой. Гнѣвъ и негодованіе Никона, впрочемъ, оказались запоздалыми, и на этотъ разъ вліяніе правящихъ сферъ на царя остались безъ результата. Народныя «прихоти» вошли таки въ Уложеніе и получили силу закона. Но зато послѣ онѣ добились бо́льшаго—сумѣли убѣдить царя не созывать земскіе соборы, какъ учрежденіе ненужное.

Въ эту критическую минуту жизни соборовъ, лишившихся съ перемѣной отношенія къ нимъ царя, опоры вверху, они могли бы найти поддержку внизу, если бы у нихъ была опора въ народныхъ массахъ. Къ несчастію, такой опоры у земскихъ соборовъ не оказалось. Закрѣпощенная народная масса была устранена отъ участія въ соборахъ. Уѣздныхъ людей, подъ которыми надо разумѣть крестьянъ, мы встрѣчаемъ одинъ разъ на соборахъ въ 1613 году. При такихъ условіяхъ, конечно, крестьяне не могли поддерживать учрежденіе, въ которомъ они не

принимали участія. Кромѣ того, соборъ 1648 года, проведя мѣры, нарушавшія интересы высшихъ классовъ, затронулъ также кровные интересы низшихъ классовъ, запретивъ окончательно крестьянскій выходъ и закладничество. И народная масса не только не поддержала земскихъ соборовъ, но реагировала на ихъ политику закрѣпощенія протестомъ въ энергичной формѣ «гиля», т.-е. мятежа.

Сравненіе земскихъ соборовъ съ западно-европейскими сословными собраніями.

Сравненіе земскихъ соборовъ съ западно-европейскими сословными собраніями не входило въ прямую задачу настоящаго очерка, но, тѣмъ не менѣе, мы считаемъ нелишнимъ въ заключеніе указать на аналогію между ними, хотя бы въ самой общей формѣ.

Спеціальное сравнительно-историческое изученіе земскихъ соборовъ, конечно, на ряду съ чертами сходства обнаружитъ также черты отличія ихъ отъ сословныхъ собраній Западной Европы. Но, во-первыхъ, чертъ сходства, какъ это показываютъ уже сдѣланные опыты сравнительнаго изученія (проф. Сергѣевичъ, Павловъ-Сильванскій), больше, чѣмъ чертъ отличія; во-вторыхъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Карѣевъ, «вѣдь и на Западѣ не было единаго образца, и тамъ царило значительное разнообразіе, позволяющее намъ дѣлать лишь такія общія характеристики, которыя всегда нуждаются въ оговоркахъ, и тамъ чуть не каждое учрежденіе имѣло свои особенности, не встрѣчающіяся или рѣдко представленныя въ другихъ мѣстахъ». Наконецъ, черты отличія скорѣе характеризуютъ практику земскихъ соборовъ, чѣмъ само учрежденіе, и вытекаютъ изъ мѣстныхъ условій. Напримѣръ, учредительный характеръ (вообще не свойственный сословнымъ собраніямъ) нѣкоторыхъ земскихъ соборовъ (въ безгосударное время) вполнѣ объясняется тѣми исключительными обстоятельствами, въ которыхъ очень часто находилось Московское государство въ началѣ XVII вѣка. На счетъ тѣхъ же обстоятельствъ надо отнести также не наблюдаемое обыкновенно въ практикѣ сословныхъ собраній другихъ странъ дѣленіе земскаго собора на сессіи съ обновленіемъ черезъ опредѣленное время состава членовъ и постоянное, непрерывное участіе въ текущемъ управленіи, — особенности скорѣе свойственныя современному парламенту, чѣмъ сословному представительству. Какъ учрежденіе же, возникшее въ извѣстный историческій моментъ и отвѣчавшее извѣстнымъ потребностямъ, земскіе соборы вполнѣ аналогичны западно-европейскимъ сословнымъ собраніямъ. Въ осо-

бенности много общаго у «совѣта *всея* земли», «*вселенскаго* собора» съ французскими *генеральными* штатами.

Подобно западно-европейскимъ собраніямъ, они развились естественнымъ путемъ изъ предшествующихъ совѣщаній монарха съ духовной и свѣтской знатью, возникли тогда, когда монархическая власть еще не окрѣпла и вынуждена была опираться на сословія, имѣли вслѣдствіе этого сословный составъ, обладали лишь совѣщательнымъ голосомъ и, наконецъ, пали вмѣстѣ съ установленіемъ абсолютизма и нарожденіемъ правящаго класса въ лицѣ бюрократіи.

Эта аналогія между земскими соборами и сословными западно-европейскими собраніями служитъ совершенно достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы разсматривать земскіе соборы въ связи съ эпохой сословной монархіи и сословнаго представительства въ Западной Европѣ.

В. Алексѣевъ.